

Владимир Марков-Бабкин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М26

Серия «Попаданец»
Выпуск 70

Оформление обложки *Ивана Хивренко*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Марков-Бабкин, Владимир

М26 Новый Михаил : 1917: Да здравствует император! : роман / Владимир Марков-Бабкин. — Москва : Издательство АСТ ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 416 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-116981-7

Можно ли сломать ход истории за два дня? Особенно, если революция уже идет полным ходом.

Михаил Романов, бывший военный летчик, а ныне топ-менеджер, попадает в великого князя Михаила Александровича и пытается вырваться из ловушки, но единственным путем к спасению становится будущая встреча с Николаем Вторым, в попытке изменить ход истории России. Но между ними 600 километров, а времени в запасе считанные часы.

А в Петрограде события развиваются своим чередом. Охваченная революцией столица не подчиняется никакой власти и уже погрузилась в пучину анархии. Но пока по улицам бродят воодушевленные статисты с флагами, за кулисами революции идет большая игра.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-116981-7

© Владимир Марков-Бабкин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Искренняя благодарность всем моим коллегам, принимавшим активное участие в обсуждениях и доработке текста книги на сайтах «Самиздат» и «В Вихре Времен».

Отдельное спасибо Виталию Сергееву за помощь.

Спасибо вам, друзья. Мы вместе сделали книгу лучше.

Мой поезд катил по пригородам имперской столицы. Остались считанные минуты до того мгновения, когда я ступлю на перрон вокзала. Хорошо знакомого мне вокзала, на котором ни разу не был. Вчера я потерял жену, которую знал много лет и которую видел всего два раза в жизни. Рядом со мной вглядывался в окно мой шестилетний сын, которого я узнал лишь позавчера. И я сам словно мальчишка жадно вглядываюсь в окно, видя впервые все то, что видел регулярно все свои тридцать восемь лет жизни.

Я много раз бывал в Ленинграде. Еще большее количество раз я посещал Санкт-Петербург. И вот мне предстоит прибытие в Петроград. И прибываю в этот раз я не на «Сапсане», не на авиалайнере и даже не на собственном автомобиле. В клубах пара и дыма императорский поезд несет меня к городу, который в далеком будущем пафосно назовут городом трех революций.

Вот и все, лязг тормозов. Приехали. Приехал. Вот он — финал двух дней. Мог ли я о таком помыслить позавчера утром, оставляя в машине свой ноутбук и отправляясь на осмотр дворца, будь он неладен?

Оркестр играет встречный марш, построен почетный караул. Пора.

Шаг на перрон. Прибывшие и встречающие сошлись. Слышу доклад:

— Ваше императорское величество! Почетный караул для встречи вашего величества построен! Исполняющий должность главнокомандующего Петроградским военным округом полковник Кутепов!

Играет «Боже, царя храни!», маршируют, чеканя шаг, казаки собственного его императорского величества конвоя.

Государь прибыл в революционный Петроград...

ЗА ДВА ДНЯ ДО СОБЫТИЙ

Между 27 февраля 1917 года и 20 марта 2015 года сколько? Один миг. Между размеренной благополучной жизнью и катастрофой лишь один крик.

— Папá!

Удар молнии расколол мою голову. Мир пошатнулся и опрокинулся. Эхом звучал детский крик, кто-то мужским голосом взывал:

— Кличьте дохтура! Их высочеству плохо сделалось! Дохтура!

— Папá, что с тобой? Папá!

Тысячи, миллионы образов и воспоминаний обрушились на меня, заставив со стоном сжать голову. Вокруг поднялась какая-то суета, в темноте грота добавилось пляшущего света, замелькали огни керосиновых ламп. Забегали, замельтешили люди, кто-то что-то приказывал какому-то ротмистру. Да, как-то я оконфузился, теперь по всему замку будут шептаться и хихикать горничные с истопниками. Хорошо, смартфонов ни у кого не видно...

— Ворот! Ворот ему расстегните! На воздух! Срочно на воздух! Ротмистр, где же носилки?

Интересно, откуда у меня во дворце носилки? А, вероятно, из госпиталя для нижних чинов принесут, зря, что ли, я велел крыло своего дворца отвести под это богоугодное дело? Тут, конечно, не клиника

третьего тысячелетия, но уж носилки-то у них должны найтись?

И точно, вот и носилки.

— Аккуратнее, господа, аккуратнее!

«Господа» достаточно бережно водрузили мою тушку на носилки и куда-то понесли. Интересно, неотложку уже вызвали? Во всяком случае, сирен машины «скорой помощи» я пока не слышал.

Свет брызнул мне в глаза, и я невольно прикрыл лицо рукой.

— Может, в дом?

— Нет-нет, ему нужен воздух. Пусть пару минут подышит. Кладите носилки на сено.

Интересно, еще пять минут назад здесь никакого сена не было. Да ладно тебе, вчера при тебе Тихон из саней выгружал. Ах да, Тихон. Тихон? В мозгах со страшным скрипом прокручивались и заново сцеплялись шестеренки моих извилин. Моих? Как понять-то? Боже, моя голова...

Разумеется, я делаю эти записи уже по прошествии времени, и многое из моего тогдашнего состояния во все выпало из памяти, да и не воспринимал я действительность совсем уж адекватно. Хотя и неадекватно также не воспринимал.

Что я испытывал в тот момент величайшего потрясения? Шок? Возможно, хотя истеричек в военную авиацию не берут, и боевой офицер не станет в момент кризиса биться в припадках, словно барышня из благородного семейства, увидевшая на любимом белом рояле выцарапанное гвоздем неприличное слово. Да и многолетний, полный цинизма и кризисов опыт топ-менеджмента также не располагает к падениям в обморок. Хотя, конечно, со стороны, вероятно, это смотрелось именно так.

Мне было неудобно смотреть снизу вверх на толпящихся вокруг моей персоны, и я велел:

— Помогите мне сесть...

Народ вопросительно взглянул на «дохтура», тот милостиво разрешил, и вот меня аккуратненько усаживают на большой валун у входа в грот, предварительно накинув на голый камень чей-то тулуп. Камня тут, кстати, тоже не было пять минут назад. Впрочем, это в мое время его здесь не было, а стоит он тут еще со времен Павла Первого...

Сижу. Собравшиеся стоят. Все смотрят на меня. Я смотрю на них. Пауза затягивается.

— Папа?

Перевожу взгляд на мальчика лет семи. Нет, шести, и мальчика этого зовут Георгий. Стыдно, батенька, не помнить возраст собственного сына! Сына? Гм...

«Дохтур» требовательно посмотрел на офицера.

— Ротмистр, где ваша знаменитая фляга? Надеюсь, она не пуста?

Офицер почему-то смутился, покосился на меня, но флягу достал.

— Ну, так это... вот, значит.

«Дохтур» протянул мне емкость. Делаю глоток. Коньяк обжигает мне горло, и я закашливаюсь. Военный смутился еще больше и прямо даже покраснел.

— Благодарю вас, ротмистр. Отменный коньяк.

Ну, значит, верно оценил причину его смущения. Мол, как может понравиться какой-то там ротмистрский коньяк самому великому князю. И моя похвала пришлась кстати.

— Ваше императорское высочество, возможно, соблаговолите пройти в свой кабинет? Вам бы полежать...

Киваю.

— Да, доктор, было бы хорошо.

Хотя мне «полежать» и не надо, но из кабинета я, по крайней мере, выставлю всех, поскольку подумать мне есть над чем. Не каждый день проваливаешься на девяносто восемь лет в прошлое.

Возможно, кто-то удивится тому, что я не заламывал руки, не проходил стадии неверия, отрицания и все такое прочее, что обычно описывается в романах? Нет, жуткий стресс был, но я точно знал, где и когда я нахожусь, а если у меня были какие-то сомнения, то я мог бы просто посмотреть на свои руки, и это были отнюдь не руки Михаила Романова, бывшего военного летчика и топ-менеджера крупного медиа-холдинга, а были это пальцы и ладони великого князя Михаила Александровича. А если уж совсем меня накроют сомнения, то вон на стене зеркало, в которое я, кстати, уже пару раз посмотрелся. Ну чисто красна девица, честное слово!

Да и обстановка вокруг, мебель, стиль отделки интерьеров, фасоны одежды, манеры говорить, речевые обороты, а главное, и сами люди, встреченные мной в это кошмарное утро, — все это было совершенно иным и чуждым 2015 году.

И главное, я помнил всю жизнь человека, в теле которого я оказался. И человек этот, только не спрашивайте, как такое возможно, был моим прадедом. Повторяю — не спрашивайте. Понятия не имею. И давай не будем рассуждать тут о причинно-следственных связях и прочей зауми. Вот честное слово, меньше всего меня это сейчас волнует.

А волнует меня вот что. На дворе, со всей очевидной ясностью, 27 февраля 1917 года. В Петрограде уже полным ходом идет, прости господи, Февральская революция. И можно было бы порадоваться такому

жизненному взлету (ну еще бы, оказался в теле родного брата императора!), если бы не такая мелочь, как то, что в результате всей этой кутерьмы с революцией вашего покорного слугу застрелят в лесу, как пса. Да и царственного брата Колю тоже расстреляют. Прямо вместе с семейством, прислугой, докторами и даже, говорят, собаками. В последнем факте я сомневаюсь, но в данный момент это не имеет значения.

Проблема сейчас в другом — я решительно не представляю себе, что делать. Абсолютно не представляю. Всяким попаданцам в книгах хорошо было, у них либо впереди долгие годы на то, чтобы что-то затеять и изменить, либо они попадали в тело какого-то второстепенного персонажа, который мог чудить, как угодно. А у меня, блин, даже на учудить времени совсем нет!

Словно в подтверждение этого факта, в дверь кабинета постучали. Вот к тебе и пожаловал внешний мир, гражданин великий князь.

— Войдите!

Входит невысокий человек с усиками и беспокойством на лице.

— Ваше императорское высочество! Мне только что сообщили. С вами все в порядке? Вы крайне бледны!

Пожимаю плечами.

— Насколько это возможно в нашем лучшем из миров. Что у вас, Николай Николаевич?

Хорошо хоть, мне не приходится мучительно думать над вопросами типа «А кто это такой?» и память великого князя снабжает меня всей полнотой информации, которой владел он сам. Так что, кто это, я знал, а мой личный секретарь господин Джонсон сразу же изобразил деловой вид и доложил официальным тоном:

— Ваше императорское высочество, председатель Государственной думы господин Родзянко испрашивает дозволения переговорить с вами по телефону. Говорит, что дело срочное и государственной важности.

Ну вот, началось. Куда бежать и где мои вещи?

— Да, благоволите.

Вот откуда у меня вот это старорежимное «благоволите»? Не иначе как вместе с оперативной памятью и данными жесткого диска прадед передал мне «в наследство» еще и привычки с лексиконом! А впрочем, почему я беру «в наследство» в кавычки? Оно так и есть, как ни крути.

Джонсон крутит ручку и протягивает мне трубку. Его, кстати сказать, тоже в том лесочке пристрелят. Прямо рядом со мной. Так что протягивая мне сейчас эту трубку, он протягивает руку и к собственной гибели.

Глубоко вздохнув, говорю в старинный микрофон:

— Слушаю!

— У аппарата председатель Государственной думы Родзянко. — Слышимость была плохая, но не настолько, чтобы не понимать собеседника. — Я имею честь говорить с великим князем Михаилом Александровичем?

Ну что, Миша? Добро пожаловать в кровавый мир потрясений и кошмаров эпохи Февральской революции?

— У аппарата великий князь Михаил Александрович.

— Ваше императорское высочество! — бодро заговорил человек в телефонной трубке. — Как вы знаете, Петроград охвачен волнениями. Четвертый день на улицах толпы народу, общественная жизнь в смятении. Отмечены первые случаи отказа войск выполнять

приказы. Столица погружается в анархию. Государственные институты бездействуют, правительство князя Голицына самоустранилось, военные в растерянности. Никто не хочет взять на себя ответственность за ситуацию. Ваше императорское высочество, Россия ждет от вас участия в деле восстановления общественного спокойствия и проведения реформ. Только отставка правительства князя Голицына и созыв ответственного министерства смогут успокоить умы в этот нелегкий час, когда Отечество наше в опасности!

Хорошо поет. Чувствуется профессиональный политик-интриган. Ладно, послушаем предлагаемые расклады.

— Что вы предлагаете?

— Ваше императорское высочество! Как член императорской фамилии и как брат государя, вы можете спасти Россию. Повлияйте на императора в вопросе дарования ответственного министерства. И мы все, вся прогрессивная общественность, ждем вас в этот непростой час в Петрограде. России нужен державный вождь и решительный человек, который поведет общество в эту тяжелую годину. Приезжайте в столицу и примите диктаторские полномочия, возглавив переходное правительство и гарнизон Петрограда до момента, когда реформы смогут успокоить общество и вернуть рабочих с улиц на фабрики и заводы, а солдаты в казармы!

Ха-ха. «Прогрессивная общественность». Серпентарий в чистом виде. Сколько в данную минуту осуществляется разных мятежей? Эта самая «прогрессивная общественность», думцы, генералитет, промышленники, англичане, французы, немцы опять же. И это далеко не весь список, и у каждого свои цели

и интересы, часто противоречащие друг другу. Сейчас у них только одна общая цель — свалить с трона Николая, а затем уж они перегрызутся, как стая голодных собак вокруг куска мяса, погрузив страну в хаос революционной анархии и грядущей Гражданской войны. Заговорщик на заговорщике сидит и заговорщиком же погоняет. И с лидером одного из заговоров я как раз и имею, прости господи, честь разговаривать!

Отвечаю предельно официально:

— Хорошо. Я желаю встретиться в Петрограде с князем Голицыным, генералами Хабаловым и Беляевым, а также со здоровыми силами общества.

— Ваше императорское высочество! — обрадованно запричитал человек с той стороны. — Мы счастливы будем увидеть вас в Петрограде! Я лично встречу вас на вокзале и гарантирую самую радушную встречу!

Это да. И прямая дорога мне от вас прямо на расстрел.

— Договорились, — буркнул я и повесил трубку на рычаг.

И, повернувшись, взглянул в зеркало на стене. Оттуда на меня по-прежнему смотрел великий князь Михаил Александрович Романов. М-да. Шлепнут они тебя, Миша, вот что.

— Прикажете подавать машину?

— Готовьте авто, но пока не подавайте. Мне надо подумать.

Джонсон склонил голову и вышел. Вероятно, отправился, по своему обыкновению, стучать на меня английской разведке.

Я повернулся к окну. Да, надо думать, и думать быстро. Потому как выхода из западни пока не видно, а рок вот-вот сомкнет свои ледяные пальцы на моем горле.